

А.А. Бялыницкий-Бируля: письма из Русской полярной экспедиции

Подготовка к публикации и комментарии Н.Г. Суховой

Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники
им. С.И. Вавилова РАН, Санкт-Петербург, Россия; ngsukhova@mail.ru

История Русской полярной экспедиции (1900–1902) под руководством Э.В. Толля, которая должна была найти землю Санникова, неоднократно излагалась в литературе. Отчёты о результатах исследований опубликованы, однако в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН сохранились документы, ещё не использовавшиеся историками полярных исследований. Среди них — письма зоолога экспедиции А.А. Бялыницкого-Бирули, адресованные секретарю Комиссии экспедиции В.Л. Бианки и библиотекарю Зоологического музея Р.Г. Шмидту. В этих письмах, кроме описаний приключений и быта экспедиции, много сведений о животных, которых Бируля наблюдал и коллекционировал.

Ключевые слова: А.А. Бялыницкий-Бируля, Русская полярная экспедиция, Э.В. Толль, шхуна «Заря», В.Л. Бианки, Зоологический музей, Р.Г. Шмидт, переписка.

В 1900–1902 гг. состоялась Русская полярная экспедиция под руководством Э.В. Толля, основной целью которой были поиски земли Санникова. История этой экспедиции известна в основном благодаря книге П.В. Виттенбурга «Жизнь и деятельность Э.В. Толля» и русскому переводу его дневника «Плавание на яхте “Заря”». Но в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук¹ (Ф. 14) сохранилось большое количество документов, позволяющих дополнить сведения об экспедиции. Среди них особенно важны протоколы Комиссии Русской полярной экспедиции (РПЭ). Весьма содержательна также переписка секретаря Комиссии В.Л. Бианки².

Валентин Львович Бианки (1857–1920)³ в это время был заведующим орнитологическим отделом Зоологического музея Императорской Академии наук. Ни протоколы Комиссии РПЭ, ни протоколы заседаний физико-математического отделения Академии не позволяют узнать, кто и когда пригласил его стать секретарем Комиссии. Зоолог Бианки оказался талантливым организатором, о чём свидетельствуют самые разные архивные документы. Рукою Бианки написаны все протоколы заседаний Комиссии. Он составлял отчёты о расходах экспедиции, писал множество официальных бумаг (иногда от имени председателя Комиссии академика Ф.Б. Шмидта и даже президента Академии наук), следил за получением приборов для экспедиции, а затем их возвращением в разные учреждения, а также за получением работ от учёных, обрабатывавших материалы экспедиции. Вместе с тем Бианки был весьма

¹ Далее — СПФ АРАН.

² Протоколы и некоторые другие документы использованы в статье: *Сухова Н.Г.* Комиссия по снаряжению Русской полярной экспедиции // Комиссии Академии наук в XVIII–XX веках. Исторические очерки. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 170–219.

³ См. к примеру: Отечественные зоологи. Валентин Львович Бианки / отв. ред. О.Н. Пугачёв. СПб.: ЗИН, 2008. 137 с.

обязательным, добрым и приветливым человеком. Именно поэтому почти все члены экспедиции писали ему не только деловые письма, но и сообщали разные сведения о своей жизни. Письма к Бианки позволяют несколько дополнить уже известные сведения об истории РПЭ, а также расширить наши представления о жизни людей, которых судьба свела на борту «Зари».

Среди писем к Бианки сохранилось и обширное письмо участника экспедиции (тогда хранитель Зоологического музея) Алексея Андреевича Бялыницкого-Бирули (1864–1937)⁴. Бируля (как он обычно себя называл) в 1890, 1905 и 1906 гг. работал на биологической станции на Соловецких островах, а в 1899 г. вёл зоологические исследования во время Русско-шведской экспедиции для градусных измерений. Его имя в качестве кандидата для участия в Русской полярной экспедиции было названо 22 сентября 1899 г. во время заседания Комиссии РПЭ. Однако согласие физико-математического отделения на участие сотрудника Зоологического музея в длительной экспедиции было получено только 9 февраля 1900 г. В Протоколе заседания Отделения (на основе мнения Э.В. Толля) отмечалось, что Бируля – «один из лучших знатоков морской полярной фауны»⁵.

Хотя одновременно с письмом к Бианки Бируля послал в Академию наук подробный отчёт о своих наблюдениях, он, вероятно, считал, что коллегу могут заинтересовать и отдельные подробности наблюдений в полярных областях (особенно о птицах, которыми занимался Бианки) прежде, чем отчёт будет опубликован.

В этом же архивном деле имеется другое письмо Бирули, отправленное с той же почтой — к Рихарду Германовичу Шмидту (1871–?). Медик по образованию, Р.Г. Шмидт в 1897 г. был принят в Зоологический музей на должность библиотекаря, где служил до 1904 г.⁶ Во время службы в музее Шмидт летом несколько раз путешествовал и вёл зоологические исследования в разных губерниях России⁷.

А.А. Бялыницкий-Бируля (Якутия).
Сб. ст. / под ред. П.В. Виттенбурга.
Л.: Изд-во АН СССР, 1927)

⁴ В 1920–1926 гг. он исполнял обязанности директора Зоологического музея, а в 1927 г. был избран директором. В 1929 г. Бируля был снят с должности и в 1930 г. осужден по «Академическому делу». До сегодняшнего дня не существует подробного исследования о судьбе и работах этого зоолога. Некоторые сведения см.: *Карпинский А., Сушкин П.* Записка об учёных трудах А.А. Бялыницкого-Бирули // Известия РАН. Сер. 6. 1923. Т. 17. С. 328–336; *Смирнов А.В.* Алексей Андреевич Бялыницкий-Бируля // Биология в Санкт-Петербурге. 1703–2008. Энциклопедический словарь / ред.-сост. Э.И. Колчинский, А.А. Федотова. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 82–83.

⁵ СПФ АРАН. Ф. 14. Оп. 1. № 30. Л. 13.

⁶ В 1904 г. Шмидт стал помощником директора Кавказского музея и Публичной библиотеки в Тифлисе (Тбилиси).

⁷ СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. № 641.

Письмо А.А. Бялыницкого-Бирули к В.Л. Бианки⁸

30 IX / 13 X 1900

Многоуважаемый Валентин Львович,

Пишу Вам из таких мест, куда Макар телят не гонял. Вы уже из отчета Э.В. [Толля], вероятно, знаете, что нам не удалось пройти Челюскин мыс; болтались мы, болтались во льдах и, наконец, израсходовав черт знает сколько угля, должны были спешно приткнуться в Таймырском проливе, чтобы не замерзнуть где-либо в открытом море. Теперь мы стоим в обширном заливе, соединённом с морем четырьмя проливами, на востоке тянется Таймырский пролив. Из этих проливов был свободен только западный, которым мы вошли в залив, остальные уже не оттаивали, по-видимому с прошлого года. На 3 или 4-й день после того как мы стали на якорь в заливе, морозы усилились, и теперь кругом "Зари" бесконечное ледяное поле; берега и горы также одеты белой пеленой. Нам пришлось уже от Югорского шара идти во льдах и только против устья Оби и Енисея мы от них освободились, вместе с тем и плавание стало более интересным, так как приходилось довольно часто выходить на берег и экскурсировать.

Первая наша высадка была в Диксоновской гавани против Енисейской губы, здесь мы пробыли около недели, так как нужно было чистить машину. В это время у нас была генеральная охота на белых медведей, которые собрались сюда на летний сезон в таком количестве, как наша знать в Ниццу. Мы видели 15 медведей и из них застрелили 10 штук; доктор взял рекорд, убил 3 медведей, я же одного, но самого крупного самца. Охотились также на оленей и трёх из них добыли, что очень кстати в дополнение к нашим консервам. Орнитологическая добыча была не важная, попадались самые обыкновенные птицы. Только когда мы двинулись дальше, стали попадаться более интересные виды, так на одном из островков у Западного Таймыра я застрелил куличка, который, по-видимому, принадлежит к виду *Tr. maculata*⁹. В заливе Миддендорфа¹⁰, где нам пришлось простоять около месяца (этот залив нами открыт и лежит, не доходя мыса Паландера; хотя, собственно, этот мыс по нашей съёмке вовсе не существует), мы попали как раз во время перелёта, впрочем, неважного, летели почти исключительно кулики: в большом количестве *Limosa lapponica*, *Falaropus fulicarius*, *Tringa canutus*, *Tr. minuta*, *Tr. archaria*, *Tr. maritima* и *Tr. subarquata*¹¹, кроме того, пролетали стаи *Bernicla brenta*¹²; в море в это время держались громадные стаи *Harelda glacialis*¹³ и в небольшом количестве чайки *Larus glaucus*, *L. leucopterus* (?), *L. fuscus* и кажется *L. argentatus*. Вообще, пернатое царство здесь не очень было разнообразно; через некоторое время и эти птицы исчезли; дольше всего держались *Harelda* и *Phalaropus fulicarius*, а в каменистых россыпях — *Lagopus alpinus*¹⁴.

Здесь я застрелил второго медведя, а доктор¹⁵ нескольких оленей. Вообще, около залива Миддендорфа зверей оказалось много: стада оленей, среди которых делали сильное опустошение поселившиеся здесь 4 волка, белые медведи (их мы видели 7 штук и застрелили трёх), масса тюленей на льду и в заливе, изредка песцы.

⁸ Там же. Ф. 14. Оп. 1. № 64. Л. 35–42об.

⁹ Скорее всего, имеется в виду кулик-дутьш, современное название *Calidris melanotos*.

¹⁰ Зоолог Александр Федорович Миддендорф (1815–1894) в 1843 г. (во время Сибирской экспедиции, организованной Академией наук) путешествовал по Таймырскому полуострову. Э.В. Толль был его родственником и с чрезвычайным уважением относился к Миддендорфу как учёному. Именно поэтому во время экспедиции Толль назвал залив его именем.

¹¹ Различные кулики, их современные названия, соответственно, *Limosa lapponica*, *Phalaropus fulicarius* (*Falaropus* — явно ошибочное написание по созвучию, ниже в тексте письма автор использует правильное название), *Calidris canutus*, *C. minuta*, ?, *C. maritima*, *C. ferruginea*.

¹² Чёрная казарка, современное название *Branca bernicla*.

¹³ Морянка, один из видов уток, относимых к роду гоголь, современное название *Clangula hyemalis*.

¹⁴ Тундряная куропатка, современное название *Lagopus mutus*.

¹⁵ Имеется в виду Герман Эдуардович Вальтер (1864–1902), который в экспедиции Толля исполнял обязанности врача и второго зоолога. Он скончался в экспедиции от сердечного приступа.

Простояв в этом заливе около 3 недель в ожидании перемены ветра, мы снова двинулись на север, как только задул ветер северо-восточных румбов и стал разгонять лед. Однако далеко не уехали, медленно переходя от одного залива к другому. Так как становилось все холоднее и холоднее, стал выпадать снежок, то экскурсии на берег были малопродуктивны: попадались тундряные куропатки, почти одевшиеся в зимний наряд, чайки; из этих последних видел *Pagophila eburnea*¹⁶ (одну в молодом пере) и застрелил двух чаек, которых мы с доктором считали за *L. argentatus*; оказалось что у них глаза с красным ободком как у *L. affinis*, но ноги [неразборчиво], а серовато-розовые, следов[ательно], не вполне мясного цвета, как у *L. arg. vegae*.¹⁷ Ещё неожиданнее была другая находка: 5/18 XI на судно прилетели две *Parus ater*¹⁸ и некоторое время держались на судне; так как застрелить их здесь нельзя было, то мы оставили их в покое, но через пару дней мне и доктору удалось добыть пару их. По Мензбиру¹⁹ это чисто лесная (?) птица и появление её, по-видимому не в единичных экземплярах, так далеко от лесной границы мне кажется небезытересным. В общем собранная орнитологическая коллекция невелика, но в ней всё-таки интересные вещи, кроме того я приготовил несколько скелетов чаек. Замечательно, что на всём протяжении от Югорского шара мы совсем не видали уток, только к северу от Диксона я видел во время хода судна стаю гаг, да у Миддендорфского залива было много *Harelda glacialis*.

Теперь у нас зимнее [неразб.]: все птицы улетели (на днях, впрочем, прилетела *Pagophila eburnea*), олени уходят [неразб.] на юг, и на засыпанной снегом тундре, кроме следов песка, ничего не видно. В настоящее время даже белых медведей не видно, очевидно, они откочевали к северу, к открытому морю и польням на его окраине, где вернее можно найти тюленей.

С 8–9 часов вечера, если небо чисто, начинается северное сияние; особенно было роскошно одно, имевшее вид волнующихся занавесов. Небо горит звёздами и среди них особенно ярка Венера, которая устроила на «Заре» переполох однажды: её, взшедшую над горизонтом, вахтенный матрос принял за костер и доложил, что «на острове огонь виден». Все выбежали наверх и увидели ярко горящую Венеру.

Жизнь на судне у нас идёт мирно, во время трудных минут замечается иногда некоторая шероховатость, но она быстро сглаживается.

В каютах и кают-компани тепло (t около 8–10 °C) и уютно, в лаборатории также хорошо, особенно уютно в моем отделении, где я могу сидеть, запершись, и работать вволю. Вследствие сильной убыли наших запасов угля, отопление «Зари» производится исключительно плавником, которого много по всему берегу этой части Таймыра.

Очень бы я хотел знать, что делается у Вас в Музее. Открыли ли Вы его?²⁰ *Rhytina pachyderma*²¹, вероятно, всё время ходит в возбуждённом состоянии и скандалит. Как Ежегодник?²² Печатается ли работа Simroth'a?²³

¹⁶ Белая чайка.

¹⁷ Полное название *Larus argentatus vegae*.

¹⁸ Чёрная синица, или москвопка.

¹⁹ Михаил Александрович Мензбир (1855–1935) — профессор зоологии Московского университета (1886–1911).

²⁰ Зоологический музей в новом здании (после переезда из так называемого музейного флигеля Академии наук) открылся в марте 1901 г. См. об этом: *Сленкова Н.В.* Развитие Зоологического музея Академии наук как центра исследований по систематике (1883–1932 гг.): дис. ... канд. биол. наук. СПб., 2006; *Сленкова Н.В.* На Васильевском острове у Дворцового моста. СПб.: ЗИН, 2001. 83 с.

²¹ *Rhytina* — устаревшее название Стеллеровой коровы (*Hydrodamalis gigas*). *Pachyderma (lam.)* — толстокожий. По предположению специалиста по истории Зоологического института Н.В. Сленковой, речь здесь может идти о прозвище, которое получил В.В. Заленский, в разгар переезда сменивший на посту директора Музея Ф.Д. Плеске, ушедшего в отставку. Назначение нового директора сопровождалось острым конфликтом. См.: *Сленкова Н.В.* Становление Зоологического института академии наук как ведущего центра исследований по систематике. Конец XIX в. // Труды объединенного совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию. СПб.: Наука, 2007. С. 101–117.

²² «Ежегодник Зоологического музея» издавался с 1896 г.

²³ Генрих Зимрот (Heinrich Rudolf Simroth, 1851–1917) — профессор Лейпцигского университета, биогеограф и зоолог, специалист по моллюскам. Ряд его работ опубликован в России.

До свидания, передайте, пожалуйста, мой нижайший поклон Кларе Андреевне, Евгению Александровичу²⁴ и всем сослуживцам. Сообщите Георг[ию] Георг[иевичу]²⁵, что на острове Диксон я поймал два вида *Staphylinidae*²⁶, но вообще энтомологическая коллекция невелика, конечно, кроме Подур²⁷, которых, согласно инструкции А.С. Скорикова²⁸, я брал всюду, где только возможно было. Надеюсь набрать их столько, что ему будет работы на несколько месяцев только разбирать материал. Забыл сообщить о морских работах, что будет интересно для Николая Михайловича²⁹: прежде всего, должен сообщить, что рыб пока мало, так как петерсеновский трал работал (его мы спустили два раза) неважно — очевидно, ещё не приспособились к нему; есть несколько *Lycodes*³⁰, много *Cottus*³¹ и т[ому] под[обные] мелочи, лучше всего работает зоологический трал, который принёс мне много интересного. Между прочим, добыл два экземпляра *Proneomenia*³² и один из них 15 сант[иметров] в длину. Всё нужное, изменяющее свою форму и цвет, я зарисовываю акварелью, так что у меня уже теперь накопилось довольно много рисунков медуз, гребневиков, актиний, немертин и др[угих] червей.

В письме, вероятнее всего, речь идет о его монографическом исследовании голых слизней Российской империи (*Simroth H. Die Nacktschnecken des Russischen Reiches. St.-Pb.: Commissionäre der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1901. 321 S.*)

²⁴ Евгений Александрович (Альфредович) Бихнер (1861—1913) — сотрудник Зоологического музея. О нём см.: Императорская Академия наук 1889—1914. II. Материалы для истории академических учреждений в 1889—1914. Ч. 1. Пг., 1917. С. 179—217.

²⁵ Георгий Георгиевич Якобсон (1871—1926) — энтомолог, сотрудник Зоологического музея. О нём см.: Отечественные зоологи Э. Менетрие, Г.Г. Якобсон, А.П. Семенов-Тян-Шанский, А.Н. Рейхардт, А.А. Штакельберг, Н.В. Попов, Г.Я. Бей-Биенко, Г.А. Клюге, П.В. Ушаков // Труды ЗИН РАН. Т. 292. 2002. 152 с.

²⁶ Staphylinidae — всеветно распространённое обширное семейство жуков характерного облика, с сильно укороченными надкрыльями, из-под которых виднеется брюшко, нередко почти полностью.

²⁷ Подуры или ногохвостки (*Podura* или *Collembola*) — обширная группа первичнобескрылых скрыточелюстных насекомых.

²⁸ Александр Степанович Скориков (1871—1942), в те годы — младший зоолог Зоологического музея. О нём см.: *Песенко Ю.А. К 130-летию со дня рождения А.С. Скорикова (1871—1942). Жизнь и научная деятельность // Энтомологическое обозрение. 2001. Т. 80. Вып. 3. С. 752—764.*

²⁹ Николай Михайлович Книпович (1862—1939) — крупный гидробиолог, сотрудник Зоологического музея, в 1897—1902 гг. — руководитель Мурманской научно-промысловой экспедиции. О нём см.: Николай Михайлович Книпович. 1862—1939. Биобиблиографический указатель. Л.: БАН СССР, 1974; *Лайус Ю.А. Книпович Николай Михайлович // Биология в Санкт-Петербурге: 1703—2008. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 234—235.*

³⁰ Рыбы семейства бельдюговых (*Zoarcidae*). Обычные представители морской фауны высоких широт. Большинство видов обитает на дне, питаются ликодами в основном беспозвоночными. Н.М. Книпович специально интересовался этой группой рыб. Им было описано по крайней мере 7 новых видов. См.: *Knipowitsch N. Ichthyologische Untersuchungen im Eismeer. 1. Lycodes und Lycenchelys. СПб., 1906. 130 с. (Записки Импер. Акад. наук. Сер. 8. Физ.-мат. Отд.-ние. Т. 19. № 1).*

³¹ Рыбы, принадлежащие к обширному семейству Cottidae (Керчаковые или Рогатковые), представители которого широко распространены в холодных водах. Эти обычно некрупные рыбы обитают на дне и питаются рыбами или беспозвоночными. Раньше родовое название *Cottus* относилось к ряду морских видов, которых очевидно, имеет в виду автор письма. В настоящее время это название относится только к пресноводным подкаменщикам, а для морских представителей семейства используются другие названия.

³² Безраковинные моллюски, относящиеся к классу Бороздчатобрюхие (*Solenogastres*).

Собрал много моллюсков, особенно мелочи, а на берегах около мыса Стерлигова и у зал[ива] Миддендорфа набрал постплиоценовых моллюсков, но здесь "Strandwallen"³³ слабо развиты и заключают только *Saxicava rugosa* и 2–3 вида *Astarte*³⁴. Сделал много богатейших уловов планктона с различных глубин посредством больших Brutnets [?]; перед Обской губой попало много рыбных мальков, аппендикулярий, сагитт, медуз, но главным образом, конечно, *Copepoda*³⁵.

Если представится возможность, пусть Ник[олай] Мих[айлович] сообщит о результатах рейса «Андрея Первозванного» в Чесскую губу³⁶; началась ли там *Portlandia arctica*³⁷, мне она надоела по горло, в каждой драге она преобладает. В Канско-Печорском районе я, между прочим, вытащил много *Tellina*³⁸ с *Monobrachium parasitum*³⁹ — вещь для Мурманского моря⁴⁰ небезынтересная. Если удастся и дальше работать в том же духе над морской фауной и, особенно, благополучно довести коллекции до Петербурга, то можно будет сказать, что естественноисторические результаты экспедиции вполне удовлетворительны.

Искренне уважающий Вас,
А. Бируля.

P.S. Напомните, пожалуйста, Александру Степановичу [Скорикову] о моей просьбе заставить Иванова⁴¹ долить и переменять по мере надобности спирт в моих Шпицбергенских коллекциях. А.Б.

== =

19 / I / 1901

Как видите, наша надежда переслать почту ещё в прошлом году, не осуществилась, и только теперь, может быть, это удастся. Уже прошла полярная ночь и скоро появится солнце, вместо «Зари», которая теперь пока освещает наше зимовье; натерпелись мы порядком от холодов, которые почти всё время (около 2 месяцев) были около -35° – -40° С, достигая -48° С. К счастью, после октябрьских и ноябрьских метелей погода почти постоянно стоит тихая, а при штиле и морозы не так тягостны. Одно время было мало плавнику и поэтому пришлось меньше топить жилое помещение и лабораторию, вследствие этого в каютах появились целые глетчеры, а из лаборатории совсем пришлось убраться, так как там всё обледенело и теперь с возобновлением

³³ Береговые валы.

³⁴ Двустворчатые моллюски северных морей. Валидное название *Saxicava rugosa* — *Hiatella rugosa* (Linnaeus, 1767).

³⁵ Перечислены различные группы планктонных организмов. Аппендикулярии (Appendicularia) — одиночные плавающие оболочники, своеобразная группа примитивных хордовых животных; сагитты — *Sagitta sp.*, представители обособленного типа щетинкочелюстных (Chaetognatha); Copepoda — веслоногие ракообразные.

³⁶ На судне «Андрей Первозванный» вели исследования участники Мурманской промысловой экспедиции под руководством Н.М. Книповича. Чесская губа (теперь Чёшская) находится между полуостровом Канин и устьем р. Печоры.

³⁷ Двустворчатый моллюск, который обычен для мелководий арктических морей.

³⁸ *Tellina* — многочисленный род двустворчатых морских моллюсков.

³⁹ Гидроидный полип характерного облика, с единственным длинным щупальцем, поселяющийся на раковинах моллюсков.

⁴⁰ Название «Баренцево море» впервые использовал немецкий картограф А. Петерман в 1853 г., но на европейских картах оно появилось только в конце XIX в. В России на рубеже XIX–XX вв. море называли Мурманским. На русском языке название «море Баренца» впервые находим в словаре Брокгауза и Ефрона в статье о Баренце (Т. 3, 1891, с. 61) и в «Большом всемирном настольном атласе Маркса» (1905, карта № 17).

⁴¹ Возможно, мастер Л.З. Иванов.

топки развилась страшная сырость. Несколько дней тому назад найдены новые залежи плавникового дерева, и потому теперь можно топить более обильно.

Пиронафтовые печи оказались порядочной дрянью, они сжигают в наших небольших помещениях массу кислорода, нужного для дыхания, а нагревают очень плохо; вообще многие специально полярные приспособления, которые казались хороши в Петербурге на основании теоретических соображений, здесь оказались совсем не так хороши, после того как их испытали на деле. Для нас большое счастье, что кругом по берегам имеется хоть в небольшом количестве плавник, который позволяет меньше жечь пиронафтовые⁴² печи, не трогая наличного запаса угля. Об это Вы уже знаете из отчёта начальника экспедиции.

Что касается нашего морального состояния, то его следует считать удовлетворительным. В начале полярной ночи замечалось у всех немного сонливое состояние, но постоянные дела, особенно суточные дежурства на метеорологической и магнитной станции, скоро уничтожили этот временный упадок духа. Теперь в ожидании появления солнца, а вместе с тем начала весенних экскурсий и работ, у всех настроение улучшилось. Этому немало способствует и то, что с возвращением света стали возможны прогулки по окрестностям, если не для охоты, то для моциона.

Мы уже давно не видели ни одной птицы, однако снежная пустыня кругом нас не совсем вымерла; оказывается, вопреки утверждениям Миддендорфа, будто на зиму, кроме медведей и песцов, все животные уходят с Таймыра на юг. (Правду сказать, Миддендорф много фантазировал насчёт зоологии Таймыра), мы всю зиму видели здесь много оленей, только часть их пошла на юг, также, по-видимому, остались волки (следы видели в конце ноября), лемминги и горностаи. Я также очень подозреваю, что подальше от берега в россыпях держатся *Lagopus mutus* (по Миддендорфу они уходят в начале сентября) всю зиму; барон во время экскурсии к заливу Гафнера (на западном берегу Вост[очного] Таймыра) видел эту куропатку 18 октября, мы же находили по всем берегам их ещё в середине сентября уже принявшими зимнее оперение. Около месяца медведей и песцов не было видно, но теперь они вновь стали появляться. Вчера люди, ходившие за плавником, наткнулись на медведицу с 2 медвежатами, лежавшую в снежной берлоге; медвежат собаки тотчас же загрызли и съели, а медведицу задерживали до тех пор, пока не подошли люди и не расстреляли её.

Надеюсь, что Вы написали мне о торжестве открытия музея; с нетерпением жду этого письма. Передайте, пожалуйста, мое поздравление с Новым годом всем сослуживцам, а у Александра Степановича узнайте, пожалуйста, отослал ли G.O. Sars'у⁴³ остаток коллекции ракообразных из Тургайских озёр Игнатова;⁴⁴ эта коллекция в момент моего отъезда стояла в моем кабинете возле термостата в углу в подносе на ящике. Вероятно, Sars уже отослал рукопись для Ежегодника об этих рачках.

С искренним уважением,
А. Бируля.

---

⁴² Пиронафт — осветительное масло, распространенное наряду с керосином в начале XX в. Пиронафт получали непосредственно при перегонке нефти или при вторичной перегонке солярового масла.

⁴³ Georg Ossian Sars (1837–1927) — известный норвежский зоолог.

⁴⁴ Павел Григорьевич Игнатов (1874–1902) после окончания Московского университета вместе с Л.С. Бергом был командирован в Омский уезд (теперь это территория Казахстана) для изучения озёр. В следующем году Игнатов изучал озеро Тенгиз. Все эти озёра находятся к востоку от Тургайской долины и Тургайской столовой страны, поэтому не ясно, почему Бируля упоминает о «Тургайских озерах». См. о нем: *Скориков А.С. Памяти П.Г. Игнатова // Ежегодник Зоологического музея ИАН. 1902. Т. 7. С. XXXIII-XLI.*

Письмо к Р.Г. Шмидту⁴⁵

Дорогой Рихард Генрихович⁴⁶,

Большое Вам спасибо за Ваше любезное письмо, которое мне передал Воллосович⁴⁷ в августе этого года, следовательно, ровно через год как Вы его написали; тем не менее, я с большим удовольствием и интересом прочёл его; всё, о чём Вы в нём пишете, для меня кажется свершившимся как бы на днях. В то время, когда Вы на «Андрее Первозванном» работали в Чесской губе, мы болтались на «Заре» перед Югорским шаром, чуть-чуть двигаясь против сильного противного ветра. В Югорском шаре мы встретились с «Пахтусовым»⁴⁸, и это были последние люди, которых мы видели в этом году.

В Карском море пришлось пробираться в густом паке, часто бывали такие минуты, когда думалось что нас затрёт и придётся проболтаться, как это было с “Думрһна”⁴⁹, целый год среди этих грязных льдин и густого тумана. К счастью, перед Обской губой мы вошли в свободную воду и так шли до Диксона, где была первая наша более продолжительная остановка. Пребывание на этом острове я опишу подробнее, так как здесь мы в первый раз охотились на белых медведей.

К этому острову мы подходили уже вечером, и я сидел в лаборатории за разборкой зоологического лова, который добыт в этот день. Вдруг в лабораторию вбегает доктор и кричит «А[лексей] Андр[еевич], на берегу белые медведи!». Конечно, я моментально выбежал на палубу и нашёл уже всех наверху, рассматривающих в бинокли берег, где видны были 2–3 белых пятна. В свой цейсовский бинокль (пользуюсь случаем заметить, что это удивительный бинокль, просто незаменимый в путешествии) я рассмотрел на берегу пять штук медведей, одни из них разгуливали по берегу, другие лежали на тундре; один лежал на небольшом островке и, видимо, что-то поедал, а кругом его с криком летала масса чаек, вероятно он забрался к их гнездам. Как только «Заря» стала на якорь, мы тотчас устроили генеральную охоту. Мы разделились на три партии: офицеры пошли морем в шлюпе, барон и доктор пошли по берегу в обход с запада, а я с астрономом Зеебергом⁵⁰ с востока. Чтобы добраться до берега, на котором были медведи, пришлось идти около ½ часу. Скоро мы увидели на холме среди камней белое пятно, и я в бинокль рассмотрел и узнал в нём спящего медведя; мы стали подходить к нему, но он заметил нас ещё за ½ версты, поднялся и, сев за камень, стал рассматривать нас, укоризненно качая головой, как бы сердясь на нас, что мы его побеспокоили. Когда мы подошли шагов на 500, он вдруг пустился удирать, что для нас было довольно неожиданно. Так

⁴⁵ СПФ АРАН. Ф. 14. Оп. 1. № 64. Л. 43–54 об.

⁴⁶ На верхнем поле имеется приписка: «Забыл рассеять Ваше недоумение насчёт денег: я перед отъездом говорил о них Валентину Львовичу, но он, вероятно, забыл об этом, во всяком случае сообщите ему эту приписку, предваряющую мое согласие на выдачу Вам нужной суммы из моего жалования. А.Б.» (Подчёркнуто Бирулей. — *Н.С.*)

⁴⁷ Геолог Константин Адамович Воллосович (1869–1919) до 1900 г. был ссыльным и жил под надзором полиции в Архангельской губернии. Он руководил вспомогательной партией экспедиции Э.В. Толля, вёл геологические исследования на Новосибирских островах до прибытия туда «Зари» и встретился с участниками экспедиции летом 1901 г.

⁴⁸ На судне «Пахтусов» в Югорском шаре в 1900 г. вела исследования Гидрографическая экспедиция Северного Ледовитого океана под руководством А.И. Вилькицкого.

⁴⁹ Судно голландской экспедиции, проводившей исследования в Карском море во время Первого Международного полярного года (1882–1883). Об экспедиции см.: *Hacquebord L. The Netherlands-Best in the Ice of the Kara Sea // The History of the International Polar Years (IPYs) / ed. by S. Barr, C. Luedecke. (Series “From Pole to Pole”). Berlin, Heidelberg: Springer-Verlag, 2010. P. 63–71.*

⁵⁰ Фридрих Георгиевич Зееберг (1871–1902) — преподаватель физики в училище при реформатской церкви в Санкт-Петербурге, был приглашен Э.В. Толлем в экспедицию для ведения астрономических и магнитных наблюдений. Погиб вместе с Толлем, при попытке добраться от острова Беннета до Новосибирских островов.

мы его больше и не видели, потом оказалось, что он бросился в море и поплыл к острову, но по дороге его застрелили с шлюпки. Скоро мы опять увидели лежавших на тундре медведей, всего четыре штуки, и я стал пробираться к ближайшему очень крупному самцу. Я уже был недалеко от него и собирался, подползши поближе, стрелять, как вдруг невдалеке раздалась три выстрела и мой медведь вскочил и пустился удирать. Оказалось, что доктор подошёл к спавшим 3 медведям, медведице и 2 молодым, и застрелил их; после этой неудачи я хотел уже прекратить охоту, так как мой медведь куда-то ушёл и я не видел его; но только что я подошёл к берегу моря, как вдруг услышал поблизости ворчание и тотчас же заметил шагах в двухстах плывущего медведя. Я тотчас улёгся за камень и стал палить в него из своего маузера; из пяти пуль только одна попала ему в затылок и убила наповал. Его потом прибило волной к берегу. Это оказался очень крупный, самый большой из застреленных в тот день, старый самец. Остальные тоже охотились удачно, так что всего в этот день, или вернее ночь, было убито 7 медведей, на следующий день убили еще 3 штуки, да видели ещё пять медведей.

У Диксона мы простояли около недели (чистили машину), а затем пошли дальше на север. Скоро опять стал появляться лёд, и однажды, обходя его, мы забрались в такие шхеры, что чуть-чуть выбрались — сели здесь несколько раз на мель, а один раз так скверно, что уже собирались «кончать плавание»: судно между двух островков попало на мель, а затем на него сзади наскочила громадная льдина и высадила ещё дальше на мель; бедная «Заря» почти легла на бок и если бы позади её не стала на мель другая, ещё большая льдина (эта льдина сидела в воде глубже, чем «Заря», т. е. больше 20 фут) и не защитила её таким образом, то нам наверно пришлось бы распрощаться с судном. Кое-как удалось сняться с мели. Пробираясь среди густого льда, вдоль берега, мы кое-как дошли до большого залива. Дальше стоял сплошной лёд. В этом открытом нами заливе (его называли заливом Миддендорфа) мы простояли около месяца, выжидая перемены ветра, дувшего это время. SW-вые ветра прижали лёд к берегу и загородили нам путь. Эта стоянка была для меня довольно интересная — мы ходили с доктором по берегам, охотились, я собирал растения, драгировал. Здесь мне удалось застрелить второго медведя. Берега этого залива довольно живописны, кое-где видны довольно высокие горы, особенно одна из них, самая высокая (около 300 метров; в одну из зимних экскурсий я подымался на неё), очень мрачного вида, названа нами Чёрной горой (она вся покрыта гигантскими обломками чёрного гнейса). В окрестностях водится много оленей, и доктор был главным поставщиком дичи к нашему столу.

Одно время казалось, что придётся в этом заливе зазимовать — ветер упорно дул все с SW и не очищал моря. Но барону Толлю очень не хотелось зимовать, не пройдя Челюскина мыса, и поэтому было решено попытаться пробиться через лёд, сколько возможно дальше. С большим трудом удалось выбраться из залива, так как лед закрыл выход, и истратив почти 1/3 нашего запаса угля, мы прошли ещё около 100 верст среди густого льда, пробираясь из полыньи в полынью. Идя так, мы добрались до Норденшельдовых островов⁵¹, но здесь оказалось, что между о-вами стоит не взломанный в течение года лёд, стояли перед этой пробкой и пошли искать проход в другом месте; на севере всё было занято льдом, а на юге был виден какой-то залив (здесь берег совершенно неверно картографирован прежними съемками). В этот залив мы и пошли — скоро оказалось, что это пролив, но все три его восточных выхода тоже оказались заткнутыми пробками цельного льда. Начало уже подмерзать — была середина сентября, и нам стало очевидно, что дальше мы не пройдем — придётся здесь зимовать. Когда мы немного огляделись в местности, выяснилось, что мы попали в те проливы, где стояла «Вега» в бухте Актиний и «Фрам» в бухте Колин Арчер.⁵² Здесь три острова отделяют от моря канал, часть которого была уже открыта «Вегой» и названа Таймырским проливом. Общий вид этого канала будет следующий. [См. рис.]

⁵¹ Архипелаг, находящийся к северу от острова Таймыр. Впервые съемки на некоторых островах произвел капитан «Зари» Ф.А. Матисен.

⁵² «Вега» — судно экспедиции А.Э. Норденшельда (1878–1879), стояло в бухте Актиний в 1878 г. «Фрам» — судно экспедиции Ф. Нансена (1893–1896), стояло в бухте Колин Арчер в 1893 г.

Таймырского залива не мог найти и опять вернулся, так как идти по тундре около 700 верст до реки Хатынги (где есть поселения) с нашими довольно плохими собаками нельзя было. Дело было плохо — на судне он оставаться не мог, так как обязанности командира стал уже исполнять другой офицер, вместе с тем занять подчиненное положение он тоже не хотел. Наконец, он сам решился идти более длинным (почти вдвое), но уже знакомым нам путем вдоль берега моря в Енисейскую губу. Б[арон] предложил мне проводить его на протяжении 200 верст. Мы вышли в числе четырёх человек с двумя нартами, запряжёнными одна восемью, а другая семью собаками в начале апреля, когда стояла ещё погода января — морозы около -30°C . Это было моё первое продолжительное зимнее путешествие. Я не скажу, чтобы очень было интересно и приятно пройти зимой при сильных морозах (собаки везли провиант и палатки, а нам в лучшем случае приходилось бежать около саней, а чаще тоже помогать собакам тащить тяжело нагруженные сани) четыреста вёрст, спать в обледенелых спальных мешках и глотать стынувшую моментально пищу из грязной посуды. Зимние экскурсии вообще не очень интересны: идёшь целыми днями по снежной пустыне, навстречу ни одного живого существа.

В эту поездку у нас было только одно для Вас интересное приключение, именно — нападение белых медведей на наш караван. Это случилось на второй день нашего отъезда с «Зари». Мы шли уже целый день, и собаки под вечер чуть тащили наши нарты, мы шли около нарт, будучи более заняты помоганием собакам перетаскивать нарты через торосы, чем разглядыванием окрестностей, которые к тому же ничего интересного и не представляли. Вдруг один из наших людей говорит: «вон медведи к нам бегут». Действительно от берега, в полверсте виден был идущий к нам большой медведь, а около него поменьше, как оказалось, это была медведица с медвежонком, решившая позавтракать нами. Медведи быстро приближались и через несколько минут должны были наскокить на нас. Не ожидая этого довольно неприятного момента, мы тотчас же остановились, завели собак за нарты, чтобы они не видели медведей, и сами с ружьями сели за нарты, чтобы как следует встретить атаку неприятеля. Всё это было делом одной-двух минут, но как раз вовремя — медведи были от нас в ста шагах. Когда они подбежали шагов на 80, мы приветствовали их двумя выстрелами. Обе пули попали но медведи продолжали бежать, и [только] когда мы всадили медведице несколько пар пуль, она упала; в это время у нас оторвалась одна из собак, бросилась на медвежонка и стала хватать его за зад; с испугу медвежонок, отбиваясь от собаки, бросился к нам, и мне с большим трудом удалось застрелить его в пяти шагах. Только что мы покончили с этими медведями, как опять заметили бегущего к нам третьего очень большого медведя. Этот, подбежав к нам, сначала подошёл к истекавшей кровью медведице, но та его так недружелюбно приняла, что он отскочил от неё (после того как получил страшный удар лапой по физиономии), в недоумении поглядывая то на неё, то на нас. Опасаясь, что он вздумает принять по отношению к нам более энергичные меры, я пустил в него пулю и так удачно, что медведь, отбежав шагов на 20, упал и тотчас издох (пуля попала ему в грудь и, пробив его всего вдоль, вышла вон, [неразб.] же — я стрелял из маузера — остался в теле и страшно изорвала ему внутренности). После этой битвы мы стали лагерем на поле сражения и досыта накормили своих собак медвежьим мясом. К сожалению, великолепные зимние шкуры пришлось бросить, потому что наш груз и без того был слишком велик.

К концу апреля, проводив Коломейцева, я вернулся обратно на «Зарю». В это время уже стали появляться птицы — признаки весны. Весна стала надвигаться очень быстро, и в половине июня снег с тундры почти весь стаял. Появилось много птиц, стали гнездиться, появились также насекомые, стали развиваться растения, и мы занялись опять охотой и коллектированием. Среди птиц нашлось здесь несколько первоклассных редкостей, именно здесь гнездится *Tringa canutus*⁵⁴ (добыл одну кладку яиц и два гнезда птенцов), *Tringa subarcuata* (добыты 3 кладки яиц) и *Calidris arenaria* (добыты 4 кладки яиц и одно гнездо молодых). Насекомых, главным образом мух, собрано тоже много; флора же в окрестностях очень бедна. В течение июля месяца я с доктором сделали пешую экскурсию по южному берегу Таймырского залива [пролива]. Надо заметить, что всё лето до августа

⁵⁴ Кулики. См. примечание 11.

море было покрыто толстым льдом, он таял, но медленно, и казалось, нам никогда не выбраться из ледяных оков. Эту экскурсию мы сделали пешком — тащили за собой по льду сани с байдаркой, провиантом и вещами. Провианту мы взяли с собой немного, так как надеялись, что наши трёхстволки (самое удобное в путешествии ружье) доставят пропитание; действительно мы всюду встречали сотни гусей (*Bernicla brenta*), которые в это время как раз линяли, и поэтому охота на них легка была (раз двумя выстрелами доктор уложил 23 штуки гусей). Это было самое интересное и приятное путешествие, хотя погода не всегда была хорошая и приходилось идти нередко по целым часам по колено в ледяной воде. Я собрал хорошую коллекцию насекомых (2–3 вида *Lepidoptera*, 3 вида *Coleoptera*, 1 вид *Neuroptera* и много мух и *Collembola*)⁵⁵ и отличный гербарий; кроме того, прошёл интереснейший по своей природе край. На «Зарю» мы вернулись как раз вовремя, так как через неделю началось наше дальнейшее плавание. После нашего возвращения начались NO-вые ветра, они-то и взломали сильно уже подтаявший и покрытый полыньями лёд на море.

В день освобождения вдруг заметили, что лёд на рейде стал двигаться, к западу открылась большая полынья, всё больше и больше расширявшаяся; лед стало выносить из пролива на запад. Наконец двинулось громадное поле ледяное (около 15 верст), в котором ещё находилась «Заря» без паров в совершенно беспомощном положении. Ледяное поле стало надвигаться на небольшой остров, находившийся в 1½ верст от судна, и мы со страхом смотрели как судно всё больше и больше приближалось к берегу, у которого находилось много подводных камней. Но когда судно уже находилось в расстоянии 14 верст от берега, всё поле вдруг повернуло в пролив на запад и быстро пошло этим путём. У нас отлегло от сердца, однако же в продолжение нескольких часов можно было ожидать катастрофы.

Судно, заключённое в ледяное поле, по краям постоянно обламывающееся и поэтому быстро уменьшающееся, двигалось вдоль пролива недалеко от южного берега его, нередко в весьма опасной близости от мысов. К ночи со всей массой льда мы вышли в открытое море. Теперь опасность миновала, но пришлось ещё выбираться из ледяного кольца, которое, впрочем, уже заранее было кое-где ослаблено распилами и взрывами. Оно скоро само разломалось, и в 12 ч. ночи 11/24 августа «Заря», наконец, заработала винтами, и мы двинулись на Ost. Но под тем же островом, у которого мы должны были прекратить свое прошлогоднее плавание (остров этот мы называли Каторжным) мы опять стали. Между Норденшельдовыми островами шел густой сплошной лёд с O на W, со страшной быстротой гонимый восточным ветром

Нужно было ждать, пока пройдёт лёд. Только через четыре дня мы могли идти дальше по сравнительно чистому морю. 19 августа обходили мыс Челюскина; несколько часов мы стояли у этого мыса, пока производились различные научные работы, а затем уже по совершенно чистому морю двинулись дальше на Ost. У Челюскина мыса видели в первый раз моржа; я, впрочем, не удостоился этой чести.

Теперь началась вторая часть нашей экспедиции; именно поиски мифической земли Санникова. Во всем Норденшельдовом море⁵⁶ почти до долготы Беннета мы не встречали льда, против устья Лены вода была тёплая до +3 °C, плыло на NW масса плавнику, попадались морусы; здесь мы выдержали довольно сильный шторм, по морю ходила высокая волна, «Заря» болталась и скрипела, и в лаборатории вдребезги бились мои банки, одним словом после прохода через Югорский шар мы в первый раз попали в настоящую морскую обстановку.

За всё это плавание я бросил немного драг, но всякий раз вытаскивал большое количество зверья, массу звезд, голотурий, криноид (один раз в трал попало около 30 штук *Antedon*), червей, мелких рыбок, даже головоногих; я имел в коллекции несколько штук *Kossia* и один экземпляр какого-то *Octopus*. Но самое поразительное, что здесь я почти каждую другу вытаскивал по одному,

⁵⁵ Перечислены латинские названия отрядов насекомых: чешуекрылые или бабочки, жесткокрылые или жуки, сетчатокрылые и ногохвостки.

⁵⁶ Названия «море Норденшельда» появилось, вероятно, под влиянием Фритьофа Нансена. На русских картах оно присутствует только на картах в «Большом всемирном настольном атласе Маркса» (1905). Современное название — море Лаптевых.

а один раз даже сразу пять штук *Proneomenia*, сообщите это Николаю Михайловичу; всего я добыл около 10 штук этого моллюска (в *Fauna arctica* сказано, что до сих пор в Северном Ледовитом океане найдено всего пять экземпляров *Proneomenia*, если к этому прибавить экземпляр Герценштейна⁵⁷ и экземпляры Николай Михайловича, то всё-таки мной, вероятно, добыто больше) и, вероятно, по крайней мере в двух видах. В общем я доволен своими зоологическими работами.

Возвращаясь к *Reisenbeschreibung*. Пройдя Челюскин и спустившись сперва немного к югу, до параллели устья реки Хатанги, мы опять пошли к NO, к тому месту, где, по предположению Толля, должна быть земля Санникова. Мы четыре раза прошли этим местом, но <...> никакой земли не видели. В том месте, где, по мнению барона Толля, должна лежать эта земля, её нет и <...> кажется, что она ничто иное, как миф...

Потолкавшись здесь, мы направили бег своего корабля к о. Беннету, и так как он не принадлежит к числу мифов, то его благополучно и нашли. Уже подходя к этому острову, мы стали встречать все больше и больше льда, температуры воды и воздуха заметно упали, кругом появился густой туман. Этот остров открылся перед нами вдруг из-за пелены тумана, когда мы стояли от него приблизительно в 14 милях. Над стеной тумана вдруг открылась вершина острова, скалистая, с самой высокой точкой в виде белого купола; ниже этого купола видны были ползущие по крутым склонам глетчеры, глубокие долины.

Короче сказать, перед нами была таинственная страна, совершенно непохожая на ближайшие берега Азии. Она была от нас недалеко, но все-таки недоступна, нас отделял от нее плотный пояс льда шириной в 25 верст; к северо-западу и к юго-востоку до горизонта тянулся непроходимый пак. Простояли мы в виду мыса Эммы три дня и должны были уходить, так как море стало уже замерзать. В то время как мы находились в виду острова, кругом нас плавало и летало много *Rhodostethia rosea*⁵⁸, старых и молодых, так что, по всей вероятности, эта чайка гнездится на острове, по временам из воды появлялась голова моржа, который с рёвом и сопением проплывал мимо нас.

После короткого рейса опять в сторону предполагаемого местоположения земли Санникова, мы повернули к Новосибирским островам, где у западного берега Котельного острова в Нерпичьем заливе стали на зимовку.

Здесь мы встретились с Воллосовичем. Он остался с нами на зиму. На зиму и главным образом на её светлую половину, конечно, имеется много проектов, но говорить о них пока рано: в полярных странах на благополучное выполнение обширных планов мало шансов.

Хотелось бы мне узнать, что делается у Вас в музее; вероятно, верхние залы уже давно открыли для публики⁵⁹. Теперь у моих коллег много времени для того, чтобы двигать науку вперед, и в «Ежегодник», вероятно, уже за год абонированы все места.

Сообщите Александру Степановичу [Скорикову], что я ему ревностно собирал *Collembola*, надеюсь, что в коллекции будут не только японские и китайские виды, но и совсем невиданные. Для Михаила Михайловича Соловьева⁶⁰ тоже немало интересных червей; передайте ему, что я очень надеюсь, что он возьмётся их обработать; я многие виды зарисовал акварелью, так что он к работе о них подпустит несколько шикарных таблиц. Всё по консервировке годится также и для микроскопии. Передайте мой поклон всем коллегам как мужского, так женского рода, особенно низкий поклон Зинаиде Петровне⁶¹ за её милую и хорошую приписку к Вашему письму.

А. Бируля

⁵⁷ Соломон Маркович Герценштейн (1854—1894), в те годы — хранитель Зоологического музея.

⁵⁸ Розовая чайка.

⁵⁹ См. примечание 20.

⁶⁰ Михаил Михайлович Соловьёв (1877—1942) — зоолог и гидробиолог, историк науки, в 1899—1905 г. был практикантом Зоологического музея. См. о нём: *Соколова И.Б.* Михаил Михайлович Соловьёв // Историко-биологические исследования. 2013. Т. 5. № 3. С. 103—105.

⁶¹ Вероятно, З.П. Смирнова — письмоводитель Зоологического музея в 1895—1912 гг.

Сердечно благодарю А.В. Куприянова, Ю.А. Лайус, Д.Л. Лайуса, Н.В. Слепкову и А.А. Федотову за активное участие в подготовке писем к публикации и составлении примечаний.

Alexey A. Bialinicky-Birulya: Letters from Russian Polar Expedition

PUBLICATION AND COMMENTS BY NATALIA G. SUKHOVA

St. Petersburg Branch of the S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology,
Russian Academy of Sciences, St. Petersburg Russia; ngsukhova@mail.ru

The story of the Russian Polar expedition (1900–1902) headed by Eduard Toll which was meant to solve the problem of “Sannikov land” has been widely described in the literature. The scientific reports of the expedition were published. In the Archives of the Russian Academy of Science, there remain, however, documents which may be interesting for the students of polar research. The two hitherto unknown letters from the expedition's zoologist Alexey Bialynicki-Birula to the secretary of the Expedition Commission, Valentin Bianchi, and to the librarian of the Zoological Museum, Richard G. Schmidt published here describe everyday life of the expedition and provide abundant information on animals that Birulya encountered and collected during the expedition.

Keywords: Alexey Bialynicki-Birula, Russian Polar Expedition, Eduard Toll, polar ship “Zarya”, Valentin Bianchi, Richard Schmidt, Zoological Museum of Imperial Academy of Science, correspondence.